

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

АЛЁНА КАШУРА

Если
ЛЮБИШЬ —
МОЛЧИ...

*Посвящается всем, кто проливает пот
в спортивном зале. Всем, кто живёт
на ринге между сигналами гонга.
И Кристине – за то, что не жалела
меня на спаррингах*

Когда мне тяжело, я напоминаю себе о том,
что если я сдамся — лучше не станет.

Майк Тайсон

ГЛАВА 1

НОРА

Ненавижу ходить сквозь арку. Здесь вечно кучкуются Арсений и его приятели. Тупые, безмозглые туши. Тушканы — так я их называю.

Замираю. Прислушиваюсь. Гогот тушканов заполняет арку. Ему тесно в каменных стенах, и он летит мне навстречу. Сидели бы лучше в беседке. Впрочем, тушканы — норные звери. Куда им ещё деваться?

Топчусь на месте. Мало того что я каждый день вижу Арса в школе — он учится в параллельном, так ещё и здесь! Повезло с соседом, нечего сказать...

Всеми словами ругаю рабочих, которые выкопали длинную траншею на том пути, где ходила я. Жду, когда какой-нибудь взрослый войдёт в арку. Надеюсь спрятаться за ним и прошмыгнуть к подъезду.

Никого нет.

Ждать дольше я не могу. Стою, танцуя...
Клянусь, больше никогда не буду пить
столько чая в литературной студии!

Вдох-выдох.

Перехватываю лямку рюкзака. Втягиваю
голову в плечи и быстро шагаю сквозь арку,
стараясь не смотреть на три тёмных силуэта.
Они хохочут. Им весело. Может, меня не за-
метят?

— Эй, Алька!

Ускоряю шаг.

— Стоя-а-ать!

Кто-то тянет за мой рюкзак, он слетает
с плеча. Тушканы обступают. Прижимают к
стене. Я чувствую лопатками ледяной холод.

— У тебя там кирпичи, что ли?

Арсений смотрит с каким-то детским
удивлением. Он выглядит милым: голубые
глаза, светлые волосы, зачёсанные назад, губы
пухлые, как у девчонки. Но это маска, при-
крывающая его суть.

— Отдай! — делаю рывок вперёд.

Арс быстрее. Мой рюкзак перелетает к
его приятелю.

— Тебе вредно таскать тяжести. Ты же
де-е-е-вочка...

Арсений упирается ладонями в стену.
Я зажата между его руками. Он придвигает-
ся ближе. Растягивает губы, обнажая мелкие
зубы и верхнюю десну. И из красавчика пре-
вращается в вампира. Двое других тушканов
опять ржут. От Арса несёт табаком впере-
мешку с мятной жвачкой. Тошнотный запах!
Пытаюсь нырнуть под его руку. Толкаю в

грудь. Но мне не хватает сил даже сдвинуть его с места.

— А ну отвали от неё!

Арс отходит, и я вижу Севу. Спортивная сумка через плечо, кулаки сжаты. Тушканы больше не ржут. Они пятятся, освобождая дорогу. Один из них протягивает мне рюкзак.

— Ещё раз увижу... — Сева многозначительно замолкает.

Он берёт меня за руку. Его ладонь горячая, как из печки. Я семеню рядом, глядя под ноги. Но краешком глаза вижу: Арс гаденько кривит губы и посылает мне воздушный поцелуй. Фу, мерзость!

— Этот слизняк тебя трогал? Если он хоть пальцем...

Сева крепче сжимает мне руку.

— Нет, — мотаю головой, — пойдём скорее.

Дома, скинув ботинки, бегу в туалет. Потом мою руки, иду на кухню. Сева уже там — поглощает всё, что лежит в холодильнике. Он после своего кикбоксинга может слона проглотить.

— Давай, — говорю, — разогрею. Пантагрюэль* ты мой...

— Понты... кто? — переспрашивает Сева и отмахивается. — Не, котлеты и холодные вкусные. Лучше чай поставь.

---

* Персонаж сатирического романа французского писателя XVI века Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», отличавшийся необычайным обжорством.

Наливаю воду. Щёлкаю кнопкой чайника.

— Ну и? — Сева прожевал котлету и смотрит на меня. — Долго ещё терпеть будем?

Насыпаю в заварник щепотку чёрных скрюченных запятых. Долька лимона и звёздочка бадьяна — туда же...

— Давай вмажу ему как следует? — напирает Сева.

...Заливаю кипятком. Накрываю полотенцем. Так лучше настоится. Вкус будет богаче и глубже.

— Ну или хотя бы отцу расскажи! — Сева запихивает в рот последнюю котлету.

Обжора! Даже отцу не оставил. А ведь он голодный придёт с работы. Опять мне готовить.

— Алька! — Мясные крошки сыплются на пол.

— Прожуй сначала.

Я расставляю чашки, наливаю чай — нежный аромат успокаивает нервы. Делаю глоток. М-м-м! Сева достаёт из шкафа пряники. Мы садимся рядом, плечом к плечу, как привыкли сидеть с детства.

— Отцу ничего нельзя говорить. И бить Арса нельзя, — объясняю терпеливо, словно трёхлетнему.

Севино плечо каменеет от напряжения, поэтому продолжаю:

— Забыл? Он же сынок папиного босса! А папа эту работу еле-еле нашёл! Хочешь, чтобы его уволили? Чтобы он опять сидел дома?

Севино плечо расслабляется. Конечно, этого он не хочет. Не хуже меня помнит, как

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ — МОЛЧИ...

мы неделями ели один рис и пили дешёвую дрянь под громким названием «чай». А папа в это время учился программированию и искал новую работу. Он мечтал из обычного строителя стать айтишником.

Но еда — это так, мелочи. Гораздо больше мы переживали за папу. Жутко было смотреть, как он сутки напролёт проводил перед компьютером. Ложишься вечером спать — сидит. Просыпаешься утром — сидит. Встаёшь посреди ночи попить водички — сидит. Свет монитора освещает лицо и немигающие глаза. Даже непонятно, дышит ли он? Из признаков жизни — указательный палец, щёлкающий по кнопкам мыши.

— Но и терпеть нельзя!

Сева встаёт, шагает от стола к двери, проводит пятернёй по волосам.

— Пока он только шутки свои поганые шутит. А если руки начнёт распускать? И меня рядом не будет!

Возмнил себя моим вторым папочкой, хотя всего на год старше. Вымахал выше отца, а сам как ребёнок, честное слово.

— Да что он мне сделает? — Мои страхи растворились, как сахар. — Типичный трус.

— Трус опасней всего... — Сева задумчиво качает головой. Потом вдруг оживляется и снова садится рядом. — Слушай, а пошли со мной на кикбоксинг?

Глаза горят, улыбка сияет — ну просто человек-фонарь!

— Киком многие девчонки занимаются. А у нас в группе одна тётка есть. Ей лет со-

рок! И то ничего, старается. Значит, и у тебя получится.

Одним глотком допиваю чай и ехидно уточняю:

— Лет сорок?

— Или под полтинник...

— Ну спасибо! — закатываю глаза.

Нашёл с кем сравнить! Меня! С тёткой! Почти бабушкой! Собираю со стола тарелки, чашки и ставлю в мойку.

— Ты глазки-то не закатывай! — Сева дышит в мою макушку. — Тебе стопудово на кик надо! Сможешь постоять за себя. Вырвешься, если вот так в подворотне поймают. Ну и Арсу нос подправишь.

Включаю посильней воду. Гремлю чашками. Получается шумно: раковина из нержавеющей стали реагирует на любые прикосновения. Чуть тронь — грохот.

— Характер опять же крепче станет. А то все тобой вертят. — Сева кричит мне в ухо, чтобы я точно услышала его слова сквозь шум воды. — Даже Танька твоя! Не можешь сказать ей твёрдое «нет». Мямлишь вечно...

Прихлопываю кран ладонью, как муху. Резко оборачиваюсь.

— Ну и подкачаться бы тебе неплохо... — Сева давит пальцем на мой живот, и палец проваливается в него, как в тесто: — Пиу...

— Значит, по-твоему, я — толстая и бесхарактерная?! — отбрасываю руку Севы и чекаю каждое слово, будто гвозди вбиваю: — Тогда ты — глупый кикбоксер. Потому что не понимаешь элементарного: силой вопросы не решают!

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ — МОЛЧИ...

Но Севу разве проймёшь? Это броненосец «Потёмкин» в человеческом облике!

— Ты бы лучше с Танькой так же поговорила. Сказала бы: «Сама пиши свои сочинения». А то сидишь полночи. Ходишь потом зелёная.

У него точно мозги не работают! С семи лет в спорте, с девяти — на соревнованиях. Да его в травмпункте как родного встречают! Чего ещё ждать?

— Ну тебя!

Запираюсь в комнате. Сажусь за уроки. Надо сделать алгебру. Потом приготовить ужин отцу. Ну и... написать сочинение для Тани! Нельзя бросать подругу в беде. И потом, Таня сама пробовала написать. Видела я эти каракули. Кто же виноват, что сочинения — не её конёк?

«Зато лени у твоей Тани вагон и маленькая тележка!» — вещает в моей голове Севин голос. Да замолчи ты!

Открываю учебник. Буквы рассыпаются перед глазами, как крошки. Я всё ещё чувствую Севин палец, который проваливается в мой мягкий живот. Пожалуй, чересчур мягкий.

Мышкой пробираюсь в ванную. Там большое зеркало — можно увидеть себя почти целиком. Включаю свет. И вижу своё отражение. Ну да, не худышка. Но и не толстуха, знаете ли! Так, пара лишних килограммов. Может, чуть больше.

Зато у меня густые каштановые волосы и глаза, как миндаль — по цвету и форме. Нос

прямой, тонкий. С таким носом хоть завтра на обложку журнала!

Корчу рожицу. Делаю нос-пяточок и высовываю язык.

М-да... Кого я обманываю? Мне даже обложка школьной газеты не светит.

Может, Сева прав: стоит заняться спортом? Вдруг похудею? И Никита снова посмотрит на меня не так, как смотрят на сестру лучшего друга.

Выхожу из ванной и сталкиваюсь в коридоре с отцом.

— Па! Что-то ты рано... Я ужин не приготовила!

— Ладно, пойду обратно. — Папа берёт обувную ложечку.

— Ты куда? — Сева выглядывает из комнаты.

Папа смеётся, потому что я пытаюсь отнять у него ложечку. Он уворачивается, успевая щекотать меня свободной рукой.

— О! Заварушка! — Сева идёт мне на подмогу.

Он всегда на моей стороне даже после ссор.

— Двое против одного! — Папа шуточно пугается.

От его улыбки у меня в сердце загораются тёплые искры. Я смеюсь и прыгаю, налетаю на папу. Но он резко обрывает игру.

— Всё-всё, не уйду, — говорит. — И ужин не нужен. Отдохни от готовки. Я пиццу принёс, ждёт на кухне.

Вечно так: папа начинает веселье, а потом будто вспоминает, что должен быть серьёз-

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ — МОЛЧИ...

ным и строгим. По крайней мере, со мной. С Севой папа всегда готов болтать и смеяться. Что ж... Не привыкать.

— Пицца! — Сева бежит на кухню. — М-м-м! «Маргарита»! Иди ко мне, дорогая!

Последние слова он глотает вместе с пиццей.

— В честь чего пирушка? — Вдох-выдох, прочь, горечь. — Какой-то праздник?

Мы входим на кухню. И я вижу, что двух кусков «Маргариты» уже нет. Севины челюсти работают быстрее, чем бензопила «Дружба».

— Начальник обещал повышение. — Папа тоже берёт кусок и, прикрыв глаза, втягивает аромат.

Его тонкие ноздри вздуваются, как у породистого рысака. С удовольствием отмечаю, что нос у меня папин.

«Я уНОСледовала нос от отца». Прячу эту фразу в писательскую копилку: неплохо, надо использовать в тексте.

— Обещали, но ещё не повысили? — выразительно смотрю на Севу.

Его челюсти замедляют движение. У нас с папой появляется шанс урвать себе по кусочку пиццы.

— Пока нет. Сначала доделаю один проект. Но там ерунда... — Папа откусывает и добавляет: — Ладно, пойду работать.

Он всегда так — после работы опять садится за компьютер. Я снова бросаю многозначительный взгляд на брата. Кладу на тарелку кусочек пиццы. Подумав, добавляю второй. И отправляюсь в свою комнату.

— Не ешь на ночь! — кричит мне Сева, но с набитым ртом получается что-то на португальском: «неш нанош».

Делаю вид, что не понимаю. Потом снова думаю об Арсе: подправишь ему нос, и прощай работа папы. Куда его примут с таким маленьким опытом программирования? Обратно на стройку? Нет, мне кикбоксинг не нужен. Это низкоинтеллектуальное занятие. Оно не даёт пищи для ума.

Решено. Точка.

Пора писать сочинение.

ГЛАВА 2

СВИДАНИЕ НА ТРОИХ

— Алька! — Сева трясёт меня за плечо. — В школу пора. А у тебя брат голодный! Чего дрыхнешь?

И правда, чего? Ах да... Я же полночи писала Танино сочинение. Пришлось долго редактировать текст, чтобы Надежда Ивановна не догадалась, кто автор. У меня довольно узнаваемый слог.

— Пицца вроде осталась, — я с трудом продираю глаза. — В микроволновке погрей.

Странно, почему будильник не прозвенел? Я же всегда просыпаюсь первой. Ого! Звонил — пропущенный сигнал мигает на экране смартфона! Значит, не услышала... Во сколько же я легла спать?

— Вчера всё доел, — признаётся Сева.

— Ну Се-е-ева!

— У меня растущий организм!

Я бросаю в него подушкой. Подушка не долетает. Сева подхватывает её одной рукой и аккуратно возвращает на место.

— Ладно тебе, не злись...

Он топает на кухню за мной. Смотрит, как я ставлю на плиту ковшик для каши. Овсянка, молоко, соль. Ничего сложного.

— Ты же старше меня на год! Пора самому научиться готовить, — ворчу. — Я не собираюсь варить тебе кашу до старости!

— Почему? — улыбается Сева. — У тебя талант!

— Талант! — передразниваю. — Ха!

Ставлю тарелки на стол. Быстро завтракаем. Потом одеваемся и идём в школу. Из-за Севиной каши я, конечно, не успеваю накраситься. Ладно, крашусь на перемене — тушь и блеск для губ всегда со мной.

Школа в десяти минутах от дома. Бывает, что за это время мы с Севой не говорим друг другу ни слова. Вот и теперь идём молча. Каждый думает о своём.

— Ну всё, чао!

Сева устремляется к своим приятелям, которые ждут его на крыльце. Слышу, как они хлопают друг друга по плечам.

— Алька, привет! — говорит кто-то из них.

Егор, кажется. Эх, был бы на его месте Никита... Не оборачиваясь, машу рукой. Надо поскорее найти Таню, чтобы отдать сочинение. Ей ещё переписывать.

